

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-16>

УДК 316

Attribution

cc by

ИДЕОЛОГИЯ МАСКУЛИННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ:
РОССИЙСКИЙ ОПЫТ (СТАТЬЯ 2)

Тамбиянц Ю.Г.¹, Дулунц Г.А.², Халакоев М.М.³

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина^{1,2,3},

E-mail: 09081969jylian@rambler.ru¹, E-mail: dga-87@mail.ru², E-mail: Tom.jones.80inbox.ru³

Аннотация. Статья является второй частью исследования современных позиций маскулинной идеологии, теперь предполагая акцент на российский опыт. По результатам опроса мужского сегмента в трех группах (студенты, силовики, кавказцы) было установлено, что хотя ценности идеологии маскулинности в целом продолжают доминировать в социальном сознании российских мужчин, все же устойчивость их подрывается с различной степенью, коррелируя с возрастным и профессиональным критериями. В России заметно доминирование трендов демобилизованного общества, поддерживаемого на официальном уровне. В то же время имеются симптомы неудовлетворения наличествующей социокультурной ситуацией, характеризующейся идейно-ценностной неопределенностью, что отражается тем, что большинство респондентов в принципе не отвергает в качестве образца для России вариант социокультурного порядка Чеченской Республики, основанного на противоположных принципах. Задачам конструктивного воспитания россиян, по большей части относящихся к психотипу гармоников, будут способствовать: а) опора на традиционные культурные ценности; 2) воспитание патриотизма; 3) популяризация спортивного образа жизни.

Ключевые слова: маскулинная идеология, мужественность, социальные представления, моностили- стическая культура, полистили- стическая культура.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

IDEOLOGY OF MASCULINITY IN THE CONTEXT OF SOCIAL DYNAMICS:
RUSSIAN EXPERIENCE (ARTICLE 2)

Julian G. Tambiyants, Hrachik A. Dulunts, Murat M. Khalakoev

Kuban State Agrarian University named after. I.T. Trubilina

Abstract. The article is the second part of a study of contemporary positions of masculine ideology, now with an emphasis on the Russian experience. Based on the results of a survey of the male segment in three groups (students, security forces, Caucasians), it was established that although the values of the ideology of masculinity as a whole continue to dominate the social consciousness of Russian men, their stability is nevertheless undermined to varying degrees, correlating with age and professional criteria. In Russia, there is a noticeable dominance of trends of a demobilized society, supported at the official level. At the same time, there are symptoms of dissatisfaction with the existing socio-cultural situation, characterized by ideological and value uncertainty, which is reflected in the fact that the majority of respondents in principle do not reject the socio-cultural order of the Chechen Republic, based on opposite principles, as a model for Russia. The tasks of constructive education of Russians, mostly belonging to the Harmonic psychotype, will be facilitated by: a) reliance on traditional cultural values; 2) education of patriotism; 3) popularization of a sporty lifestyle.

Key words: masculine ideology, masculinity, social representations, monostylistic culture, polystylistic culture.

Funding: Independent work.

Введение. В первой части настоящей работы мы, в ходе рассуждений, выдвинули предположение, что трансформационная динамика, где весьма заметным является гендерный аспект, завела западное общество в социокультурный тупик. Цивилизационное лидерство Западного мира частично оказывается под вопросом – если в экономике и технологиях его доминирование продолжает носить бесспорный характер (М. Делягин), то того же нельзя сказать об культурной стороне. Отечественный социальный философ и культуролог Л. Ионин прямо пишет о деградации культуры Запада, главным орудием которой стала политкорректность [9, с. 257]. Одним из симптомов

подобной деградации можно считать феномен, который мы условно обозначили как субпассионарный идеал, красной нитью пронизывающий рассуждения немалого числа авторов (Э. Геллнер, И. Кон, Г. Мюнклер, отчасти М.Калдор и др.). Суть названного феномена сводится к установке, что насилие по сути в любых формах – это всегда плохо, а потому следует его всячески избегать, конфликты решать исключительно посредством переговоров, компромиссов, а желательно создавать условия для их исключения или, во всяком случае, минимизации. Правда такой подход встречает и жесткие возражения, обычно выдвигая аргумент, что насилие не всегда деструктивно.

Столетие назад концептуально подобное видение предложил Жорж Сорель, в том же духе рассуждает более близкий нам по времени Дж. Кэмпбелл, а также современные ученые А. Гат, Е. Беляева и др. Тем не менее реализация субпассионарного идеала на Западе продолжается, что влечет за собой последствия уже внутривнутриполитического характера – речь идет о все усиливающейся мигрантской проблеме.

В данной статье нас будет занимать российский опыт, который мы имеем возможность изучить несколько более детально – через эмпирическое исследование. Но прежде мы дадим общий набросок проблемной ситуации, в общих чертах заключающаяся в том, как далеко деградация мужского этоса зашла в России. Дело в том, что Игорь Кон, теоретические разработки которого зачастую выступают объектом нашего оппонирования, указывает на гендерные трансформации в качестве глобальных трендов, которые первыми проходят апробирование на Западе [12, с. 98-103]. Возможно несколько поспешно включать в пространство охвата упомянутых трендов весь мир. Нельзя отрицать, что здесь имеет место диффузное распространение, и все же вряд ли тенденции маскулинизации женщин и феминизации мужчин ждут одни и те же темпы распространения в европейских, африканских, исламских странах. Тем не менее отечественный социум гендерные трансформации несомненно затронули. И тут уместно уточнить – насколько глубоко и каков характер подобного проникновения? Данный вопрос мы постараемся прояснить через изучение позиций маскулинной идеологии в социальном сознании россиян. Для этого мы решили обратиться к опросным методикам, постаравшись сформулировать выборку исходя из профессиональных и этнокультурных критериев.

Обсуждение. Результаты.

Но поначалу нам следует обратиться к советскому периоду, который нет никакой возможности вынести за скобки, так как советский проект являл собой своеобразный вариант модернизации, собственно и положившей начало сдвигам в том числе и в области гендера и, естественно, как-то затрагивая идеологию маскулинности. Здесь рассуждения ученых (не говоря уже о публицистах), к сожалению, не избежали идеологизированности. Либеральный подход в целом доминирует в исследованиях российского гендера, принося немало ценного в научное знания и, в то же время, давая повод для дискутирования.

Согласно плеяде либеральных исследователей (И. Кон, А. Темкина, Е. Здравомыслова и др.), советские руководители пытались навязать механистическое равенство мужчины и женщины, не принимая в расчет их психофизиологическую специфику и различия [12, с. 130]. Кроме того, политический деспотизм, бюрократизация социальной жизни со стороны административно-командной системы почти не оставляли места для индивидуальной инициативы и независимости. Плюс к этому, важным фактором выступала феминизация институтов социализации в силу домини-

рования женщин в кадрах учреждений воспитания, а также в пионерских и комсомольских органах. Все это расходилось с поддержанием человеческого достоинства и с традиционными нормативами маскулинности, в отношении которых советские мужчины ощущали личностную неполноценность, депривацию, откуда и пошло пьянство, кулачное право и пр. [6, с. 442]. Отсюда делается вывод о глубоком кризисе маскулинности в советскую эпоху, который по глубине превосходил аналогичный кризис на Западе.

Тем не менее, подобное видение не лишено очевидных натяжек. Факты пьянства и кулачного права есть скорее продукты отечественной культурной традиции, а не «порочной» советской системы и, кроме того, присущи отнюдь не только России. Традиционный характер являет собой также феминизация институтов социализации, которая в СССР нивелировалась некоей культурной милитаризацией на почве советской идеологии, предполагая транслирование здорового образа жизни, занятий спортом, выполнение нормативов ГТО.

Милитаризация служила наполнением патристических форм. Существовал и всячески официально поддерживался героизированный культ Гражданской, Великой Отечественной, Афганской войн [20, с. 496-497]. В невоенное время для формирования патриотизма привлекались иные образы, например, призывы «Всем классом на БАМ!», «Даешь Магнитку!» [21, с. 83]. Сталинский кинематограф небезуспешно создавал «новый героический эпос, отражавший тенденции советского бытия и советской культуры» [19, с. 205]. В военной лирике 1940-х гг. доминировали именно традиционные установки: «мужчина – на фронте, женщина – в тылу», что в целом сохранялось и в более поздний период 1960-70-х гг. [15, с. 202, 203].

Советский строй не столько препятствовал реализации маскулинности, как утверждают либеральные исследователи, сколько предоставлял для этого особые каналы. Мы полагаем, что гендерные расклады в СССР сохраняли в целом традиционную основу, хотя и проявляли тенденции к смягчению. Тезис о глубоком кризисе советской маскулинности, ее эрозии и деформации отражал не столько общую ситуацию, сколько определенные фрагменты советской релятивности. В подкрепление этого утверждения, мы укажем на следующие обстоятельства.

Во-первых, в работах, описывающих гендерные отношения в 1990-е годы, в которых однозначно проявлялась инерция недавно завершенной советской эпохи, как раз, отмечается устойчивость именно «патриархальной модели». Результаты исследований Н. Гончаровой [5], Е. Балабановой [2] указывают на то, что в целом кормильцем семьи оставался мужчина, тогда как женщине отводилась роль в первую очередь хозяйки, что иллюстрировалось их поведенческими установками 1990-х гг. Тем самым, советской семье, в основном, было присуще то самое разделение функций, о котором ратует Н. Болыц [3, с.91]. Например, мужчина приносил основной доход, но зачастую рас-

поряжалась им жена в рамках компетенции ведения домашнего хозяйства.

Во-вторых, популяризация в СССР спортивно-го образа жизни послужила одним из источников распространения социального типа «воинственного человека», который лег в основу силового предпринимательства. По мысли В. Волкова, Россия девяностых дала возможность изучения этого феномена, казалось бы давно сошедшего с исторической сцены, вытесненного экономическим человеком [3, с. 121]. Это имело и социокультурные последствия – российский бандит 1990-х стал «любимым героем городского фольклора, популярных романов и телесериалов» [3, с.158]. Но подобный факт либеральной логикой (ра-тующей за тот самый субпассионарный идеал, рассмотренный в первой части работы) рассматривается как «агрессивная маскулинность» и закономерно отвергается, поскольку «распространение подобных нравов и ценностей угрожает самим устоям цивилизованного бытия и правового общества» [11]. Однако, не отрицая бесспорные социальные издержки, отметим, что силовое предпринимательство значительно повышало в социуме градус напряжения, работало на популяризацию наиболее жестких формы традиционной маскулинности и стимулировало запрос на ресурс мужественности, в котором все менее и менее нуждалось общество Запада. Неслучайно заметным обстоятельством, подпитывающим западную русофобию постсоветских десятилетий, выступал образ «русской мафии».

Если судить о сдвигах в области гендера, то в постсоветском социуме они оказываются, пожалуй, более заметными, чем в советском. В качестве основных источников отметим, с одной стороны диффузное распространение западных цивилизационных стандартов в том числе и на российской почве; с другой – социально-экономическую проблематику, накладывающую на гендерные процессы специфический отпечаток. Пассионарная часть женского сегмента использует имеющиеся возможности самореализации, главным образом, в профессиональном плане. А вот большая часть женщин предпочитает придерживаться адаптивных стратегий, нередко выполняя мужские функции как правило из вынужденных соображений, что отличается от мотивов личностной самореализации распространенных в феминизме. Что касается мужского сегмента, то в преуспевающих слоях сложилась маскулинность, носящая больше показной характер, что С. Ушакин метко обозначил «героизацией потребительства» [20, с. 486]. Среди нижних слоев мужчины пассионарии в 1990-е годы массово реализовывали себя в криминальных структурах, тогда как среди гармоников и субпассионариев весьма нередки были случаи маргинализации жизненных стратегий [22]. Между тем, отечественный социум также не обошли тенденции аномизации семейных ценностей, что находит отражение в кризисе семейных институтов [16, с. 698].

Если подвести под вышеописанные процессы методологическую основу, то нам представляется более адекватным для отечественной действительности использование концепции моностилистической – полистилистической культуры, предложенной философом и социологом культуры Л. Г. Иониным, что перекликается с популярным подходом модерн-постмодерн.

Категория моностилистической культуры предлагается для характеристики советского периода, тогда как полистилистическая культура – для современной России. Для культуры моностилистической характерно, что ее ключевые мировоззренческие компоненты – образы мира, убеждения, идеологии и т.д. внутренне связаны и разделяются социальным большинством. Отличительными чертами такой культуры являются:

- наличие особой группы создателей и трансляторов культуры, а, по-другому, культурных экспертов (шаманы, священники, партийные идеологи);

- жестко фиксированный порядок «реализации культурных явлений в пространстве и времени согласно нормам доминирующего мировоззрения» (например, торжественное богослужение в храме или праздник в районном Доме культуры);

- наконец, «канонизация жанров и стилей культурной деятельности» [10, с.233-235].

По мысли Л. Ионина, через навязываемые моностилистической культурой схемы происходит интерпретация всех событий и фактов человеческой истории, такая культура – инструмент легитимизации существующего социального порядка. Таковы культуры восточных деспотий, подобные черты заметны в культурных системах средневековой Европы, наконец моностилистические характеристики присущи культуре всех теократических государств, в частности современных фундаменталистских [10, с. 233]. По сути, Л. Ионин увязывает моностилистический смысл культуры с жесткой властной вертикалью, нуждающейся в общественной легитимации и прибегающей для этого в том числе к культурным механизмам.

Нынешняя Россия характеризуется Л. Иониным на стадии перехода к модели куда более демократической полистилистической культуры, которой присущи следующие признаки:

- отсутствие сакрального доктринального ядра, определяющего жесткую оценку любому явлению культуры;

- отсутствие универсальной культурной иерархии, обязательной в моностилистической культуре;

- детотализация, исключение какого-либо единства многообразных культурных феноменов, здесь возникают и складываются все более сложные системы взаимодействия традиций, культурных стилей, образов жизни, часто замешанные на эклектике;

- наконец, в рамках полистилистической культуры не признается какая-либо цель развития культуры, общества и человеческого существования вообще [10, с.245-247].

Как верно подмечает сам Л. Ионин, культурное разнообразие стимулирует возникновение новых мотиваций и желаний [8, с. 52]. Все это выступает предпосылкой экономики гиперпотребления, в рамках которой ключевыми ценностями становятся комфорт и развлечения.

С позиции трех десятилетий постсоветского существования становятся проясненными сильные и слабые стороны обеих моделей. Продолжающаяся демократизация культурной жизни принимает гипертрофированные формы, особенно заметные на Западе, что пугает даже многих классических либералов (Ю. Хабермас, Ф. Закария, Н. Болыц), но вдохновляет лево-либералов.

Моностилистическая модель, с одной стороны, где-то сковывала творческий потенциал, но с другой обеспечивала нормативные культурные рамки, играющие некую дисциплинирующую роль, тогда как в постсоветской России значение морали, нравственности очевидно упало.

Между тем, моностилистическая модель сохраняется на постсоветском пространстве, даже находясь под юрисдикцией Российской Федерации. Речь идет о Чеченской Республике, где имеются жесткая объединяющая идеология, популяризация здорового спортивного образа жизни, подкрепляющиеся объективными мерами – ограничением алкоголя и наркотиков. Тем самым, можно говорить о сосуществовании моностилистической и полистилистической культурных моделей в рамках России, которые так или иначе сопоставляются в общественном сознании.

Цель нашего эмпирического исследования заключается в том, чтобы уточнить позиции маскулинной идеологии в социальном сознании россиян.

Задачи исследования видятся нам следующим образом.

Во-первых, определить характер представлений о мужественности как динамическом социальном феномене.

Во-вторых, выявить установки респондентов по поводу традиционных нормативов маскулинной идеологии.

В-третьих, определить отношение к моностилистической модели культурного порядка, воплощенной в Чеченской Республике с точки зрения ее внедрения в России.

В качестве ключевых понятий выступают категории маскулинной идеологии, мужественности.

«Маскулинная идеология» определяется нами как *определенная система установок и оценок в отношении мужского культурного и поведенческого облика, соотносимая с собственными социальными идентичностями и стратегиями.*

Категорию «мужественность» мы используем по ходу опроса в виду лучшего восприятия данного термина респондентами, чем категорию «маскулинность» – более присущей научному и публицистическому дискурсам.

В то же время, эти категории не тождественны. Если маскулинность отражает социокультурный смысл, то мужественность – поведенческий. Здесь наш подход имеет много общего с пониманием Н. Болыца «Мужественность всегда действие: нельзя просто «быть». Мужественные мужчины не приспосабливаются, не прогибаются и не зависят от обстоятельств» [3, с.78, 79].

В нашей трактовке, *мужественность есть черта характера (или особое внутреннее состояние), связанная с проявлением твердости, настойчивости в ходе достижения поставленных целей в контексте противодействия внешних обстоятельств или преодоления собственных психологических барьеров.*

В качестве выборки мы решили остановиться на следующих социальных группах, каждая из которых обладает специфическими характеристиками, влияющими на восприятие маскулинной идеологии и мужественности. Это работники правоохранительных органов (силовики), социальные представления которых формируются не без влияния их профессиональной идентичности. Респонденты из образованной молодежи (студенчество), которые в силу возраста более восприимчивы к культурным новациям (западным трендам). Представители кавказской республики Кабардино-Балкария, восприятие которых указанной проблематики носит отпечаток особенностей почвы (традиционный кодекс адыго-хабзе), а также специфики менталитета.

В качестве инструментария послужил анкетный опрос. Было опрошено 311 респондентов-мужчин – 103 «силовика», 101 студент, 107 жителей Кабардино-Балкарии.

Таким образом, наше исследование во многом носило разведывательный характер.

Изначально, целесообразно было выяснить предпочтения респондентов той или иной модели мужественности, которые были предложены в анкете.

Перечень упомянутых моделей опирался на работы Е. Алымовой, которая на основании классической древнегреческой литературы, сформулировала три модели – Ахилла, Гектора и Одиссея [1].

К этим трем мы сочли возможным присовокупить модель идентичности.

Первая *модель Ахилла* ставит на первый план стремления к индивидуальному самовыражению через военные подвиги.

Иную содержательную наполненность представляет *модель Гектора*, где главный акцент делается на защиту Родины.

Стойкость в преодолении жизненных испытаний – ключевая характеристика *модели Одиссея*.

Ну а *модель идентичности* предполагает упор на следование собственным внутренним правилам, ни при каких внешних обстоятельствах не отступая от них, или, другими словами, быть всегда «самим собой».

Таблица 1 Предпочтения определенной модели мужественности (в %).

	Модель Ахилла	Модель Гектора	Модель Одиссея	Модель идентичности
Работники ПО.	8	46	24	23
Кабардино-балкарцы	4	23	43	30
студенты	6	40	44	11

В наших прошлых исследованиях стабильно наибольшей популярностью у респондентов пользовалась модель Гектора [18, с.97], что как можно полагать, во многом связано с фактом Специальной военной операции (СВО) и актуальностью патриотизма. Как следует из Таблицы 1, две категории респондентов больше предпочитают именно эту модель, что являет контраст в сравнении с кабардино-балкарцами. С одной стороны, первые находятся объективно ближе к линии боевых столкновений, а с другой - респонденты правоохранительных органов скорее всего находятся под большим психологическим воздействием СВО в силу собственной профессиональной деятельности – принадлежности к силовым структурам. Куда большим предпочтением у жителей Кабардино-Балкарии пользуется модель Одиссея, по всей видимости ассоциируемая с ролью главы семьи, преодолевающего ряд жизненных обстоятельств и препятствий. Малая популярность у студентов модели идентичности, по всей видимости, связана с внутренней неопределенностью, продолжающимся «поиском себя». Другими словами, представители этой наиболее молодой по возрасту категории респондентов еще четко не сформировали собственный самообраз, а потому не могут в полной мере ощутить значение внутренней целостности и поступающим ей вызовам. Как видим, в целом наименьшее предпочтение было оказано модели Ахилла (от 4 до 8%), которая, пожалуй, ближе всего отражает психотип пассионария. Доля респондентов, отдавших ей предпочтение, по всей видимости, соответствует размерам своеобразного героического меньшинства (термин Г. Мюнклера [13]) или пассионариев в контексте общей выборки.

Таблица 2 Как изменяется число реально мужественных людей? (в %).

	Становится больше	Скорее больше	Без изменения	Скорее меньше	Становится меньше	Трудно сказать
Работники ПО.	21	11	11	20	29	8
Кабардино-балкарцы	8	7	4	47	16	18
студенты	2	11	14	40	21	14

Весьма показательны данные о динамике мужественности. Бросается в глаза, что респонденты-служащие правоохранительных органов оценивают ситуацию, пожалуй, наиболее оптимистично в сравнении с другими группами. Среди них почти треть (32%) отметила восходящий характер динамики мужественности, тогда как на противоположный вектор указала почти половина (49%). Заметно иначе распределились ответы жителей Кабардино-Балкарии и студентов. Среди первых восходящую динамику отмечают около 15%, а нисходящую – более чем вчетверо больше (63%). Близкий расклад ответов респондентов-студентов – 13% против 61%. Обращает на себя внимание несколько большая доля неопределившихся с ответом у респондентов из не силовых структур.

Подобная картина, как можно полагать, объясняется следующими обстоятельствами. Работники силовых структур по всей видимости больше погружены в среду, где качества, связанные с мужественностью, решительностью оказываются востребованы чаще, нежели в контексте обыденной повседневности, присущей другим группам респондентов. То есть контекст их профессиональной деятельности позволяет четко определить природу человеческих поступков и мотивации, давая возможность сделать более или менее категоричное заключение. Отсюда значительно меньший процент затруднившихся с ответом.

Таблица 3 Может ли изначально робкий человек со временем стать смелым и целеустремленным? (в %).

	Знаю немало таких случаев	Единичные случаи знаю	Не припомню такого	Трудно сказать
Работники ПО.	56	27	5	12
Кабардино-балкарцы	45	34	6	14
студенты	40	49	8	3

В наши намерения входило выяснение возможности воспитания мужественности, то есть фактически ставился вопрос о роли здесь конструктивизма, где не последнее место занимают идеологии маскулинности. В этой связи, был задан вопрос: «Знаете ли Вы случаи, когда человек будучи изначально робким и нерешительным со временем становился смелым и целеустремленным?». Как следует из Таблицы 3, подавляющее большинство опрошенных считают такое возможным в принципе. Это подтверждает один из ключевых тезисов первой части работы – большая часть людей принадлежит психотипу гармоничных личностей и формирование у них установок (с маскулинным или феминным уклоном) во многом детерминировано внешней средой.

Блок вопросов об установках респондентов по поводу идеологии маскулинности предварялся

оценками войны, что в сегодняшней обстановке представляется как никогда уместным и актуальным. Более углубленно данная проблема исследовалась нами в статье месячной давности [17]. Из таблицы 4 следует, что отношение респондентов к войне весьма дифференцированно при сохранении общего доминирующего тренда на осуждение войны. Из Таблицы 4 видно, что среди жителей Кабардино-Балкарии более 70% осуждает войну, почти четверть – колеблется с выбором ответа и лишь 4% видят здесь возможность самопроверки и самовоспитания. А вот пусть и незначительное, но все же большинство работников правоохранительных органов войну осуждать не торопятся и около четверти предпочитают видеть здесь возможность самореализации. На наш взгляд, здесь ключевое значение имеет фактор профессиональной принадлежности – силовики так или иначе должны быть психологически готовы к войне и риску. В то же время, наличие доминирующего тренда отражает феномен «демобилизованного общества», нацеленного на сохранение стабильности социальной жизни, а СВО представляет собой нечто вроде параллельной реальности [14]. Весьма значительная доля неопределившихся с ответом указывает на существование диссонанса в общественном мнении по поводу оценок войны.

Таблица 4 Оценка войны (в %).

	Война – это всегда плохо, она антиморальна и антигуманна	Война есть способ самопроверки и самореализации	Трудно сказать
Работники ПО.	47	26	27
Кабардино-балкарцы	72	4	24
студенты	59	11	32

Группа вопросов касалась непосредственно идеологии маскулинности, затрагивая экзистенциальную, функциональную, а также социально-психологическую проблематику. Речь идет о принципах внутреннего настроя (стремления к лидерству, сдерживания эмоций), реализуемых в соответствующих поведенческих трендах. Заметные различия в отношении к стандартам гегемонной маскулинности продемонстрировали ответы на вопрос о необходимости мужчине воспитания у себя лидерства и целеустремленности. Если работники силовых структур согласились с этим почти единогласно, то среди студентов почти треть поддержали противоположную позицию – не стоит совершать насилие над собой, если человек по натуре склонен подчиняться (Таблица 5). Из приведенных данных можно заключить, что экзистенциальное стремление к лидерству несколько более присуще профессиональным силовикам в сравнении с кавказцами, где традиционная культура в

принципе старается воспитать внутренние достижительские стратегии.

Таблица 5 Нужен ли мужчине дух лидерства, целеустремленности ? (в %).

	Да, обязательно	Если человек склонен подчиняться, ему это не нужно	Трудно сказать
Работники ПО.	95	4	1
Кабардино-балкарцы	77	13	10
студенты	68	30	2

Более ровные ответы были получены при выяснении отношения респондентов к семейным социальным функциям. Как следует из Таблицы 4, подавляющее большинство опрошенных обеих групп склонны к традиционной установке о мужской роли главы семьи и основного источника ее содержания. Представляется, что здесь ключевое значение для респондентов-кавказцев имеет традиционная культура, предписывающая жесткое следование устоявшимся гендерным правилам и раскладам. Тем не менее, почти треть респондентов-студентов считает, что такой расклад не обязателен, и в каждой семье муж и жена сами распределяют кому за что отвечать и что делать. Как можно предположить, здесь имеет место влияние (не исключено что завуалированное) на молодежь идей интерсекционального феминизма, использующих ярлык «токсичная маскулинность», и фактически направленных на дискредитацию правил для «настоящего мужчины».

Таблица 6 Должен ли мужчина содержать семью? (в %).

	Да, безусловно	Не обязательно, в конкретной семье люди сами распределяют функции
Работники ПО.	84	14
Кабардино-балкарцы	87	11
студенты	71	29

В некотором роде, проявление фактора политкорректных трендов можно видеть в распределении ответов по поводу проявления эмоций мужчиной (таблица 7). Как видим, жестких требований к себе (не при каких обстоятельствах не проявлять эмоции) придерживается чуть менее половины студентов, что контрастирует с работниками правоохранительных органов, где такую позицию разделяют более двух третей. Считают, что эмоции мужчинам проявлять можно почти четвертая часть молодых людей и только 6% силовиков. Неожиданный расклад ответов продемонстрировали кавказцы – поддержали требования не показывать эмоции лишь чуть более трети. Но подобное распределение ответов скорее не столько ре-

зультат влияния идей политкорректности и феминизма, сколько особенность этнической психологии – общеизвестна эмоциональность кавказцев, связанная главным образом с горячностью, нередко в форме внешней демонстрации. Возможно, что под эмоциями респонденты – жители Кавказской республики подразумевают скорее проявления гнева, возмущения, радости, чем демонстрацию печали, плача и прочих феноменов, контрастирующих с обликом «настоящего мужчины».

Таблица 7 Характер проявления эмоций (в %).

	Мужчине в любой ситуации следует держать эмоции при себе	«На людях» их проявлять не следует	Мужчина тоже человек, имеет право поплакать, если хочется
Работники ПО.	69	24	6
Кабардино-балкарцы	38	39	23
студенты	49	35	16

Вопрос о случаях взятия на себя мужских функций женщинами касался не столько установок респондентов, сколько фактов окружающей их объективной реальности. Полученные ответы уверенно подтвердили наличествующие тенденции, связанные с деформациями гендерных отношений – ранее довольно устойчивые функциональные расклады в настоящее время становятся все более расплывчатыми, что отражает ситуацию характерную для Западного мира в целом, затрагивая и Россию. Правда, как отмечалось выше, в России это продиктовано не столько феминистскими идеями самореализации женщин, сколько обстоятельствами, вынуждающими женщин взваливать на себя мужские обязанности. За исключением студентов, лишь незначительное меньшинство респондентов выбрало ответ, что не встречало подобных случаев. Несколько более высокий процент ответивших подобным образом среди студенческой молодежи во многих случаях объясняется банальным недостатком жизненного опыта, а также тем, что для некоторых респондентов такого рода вопросы неактуальны.

Таблица 8 Современные женщины берут ли на себя мужские функции? (в %).

	Да, сплошь и рядом	Такие случаи бывают	Не знаю такого
Работники ПО.	27	70	3
Кабардино-балкарцы	30	66	4
студенты	13	73	14

Весьма интересную ситуацию затрагивал вопрос о значении для респондентов государственных правоохранительных органов в случае вовлечения первых в жесткие индивидуальные конфликты. Дело в том, что подобная проблема касается типичного для

современного государства стремления установления монополии на насилие. Естественно, что для работников правоохранительных органов подобный вопрос возможно создавал предпосылки для некоторого внутреннего диссонанса – с одной стороны существует их непосредственная профессиональная компетенция, а с другой – традиционные правила «настоящего мужика», который должен подобные вопросы решать без участия внешних сил. Как бы то ни было, но за самостоятельное решение высказалось 36% силовиков и только 10% опрошенной студенческой молодежи. Ответ, выдвигающий на первый план обращение в правоохранительные органы выбрали примерно одинаковые доли из той и другой группы – 20% силовиков и 19% студентов. Считают, что в отдельных случаях обращение в органы допустимо и необходимо 43% респондентов-силовиков и 71% респондентов-студентов.

Далее, респондентам на выбор предлагалось поддержать одно из двух утверждений – «каждый молодой человек прежде всего должен самостоятельно пробиваться, утверждать себя в обществе». Или другое: «в современном мире родственникам необходимо всячески помогать молодым людям устроиться в жизни». За первое утверждение высказались примерно равные доли опрошенных силовиков и студентов – 80% и 81%. Тем самым, можно заключить, что идея о самостоятельности, уповании, прежде всего, на собственные усилия остается для россиян социально значимой, хотя пятая часть поддержавших противоположную позицию наводит на предположение, что подобный субпассионарный и фактически социально деструктивный тренд пользуется немалой популярностью.

Таблица 9 Внутренняя модель Чеченской республики: возможны ли заимствования (в %).

	Эта модель желательна для России	Можно кое-что заимствовать	Эта модель не нужна России	Трудно сказать
Работники ПО.	30	48	3	19
Студенты	13	75	11	1

Большой интерес представлял вопрос о Чеченской республике и отношении респондентов к установленной там культурной и политической внутренней модели. Последняя, как выше упоминалось, сохраняет моностилистический смысл в отличие от полистилистического характера российской социокультурной ситуации. В Чечне фактически жестко ограничены возможности массового погружения в культуру безграничного потребления. Существует единая идеология, более или менее разделяемая большинством, декларируется спортивный образ жизни, наркомания почти исключена, а алкоголь серьезно ограничен. Мы посчитали не совсем корректным предлагать подобный вопрос респондентам- жи-

телям Кавказской республики, в силу высокой степени субъективизма в рамках подобного суждения – с одной стороны у кабардинцев и чеченцев могут быть собственные отношения, приправленные изрядной долей кавказской ментальности, а с другой стороны – нас больше интересовало мнение жителей, погруженных именно в российскую социокультурную среду.

Из таблицы 9 видно, что склонны решительно отвергать моностилистический культурно-политический порядок чеченского образца, в общем-то, немногие респонденты. Значительно больше тех, кто считает данную модель желательной для России, причем среди силовиков такое мнение разделяет почти треть респондентов (30%). Несколько неожиданно для нас оказалось, что среди студенческой молодежи считая уместным хотя бы частичное заимствования чеченской модели 88% опрошенных. В то же время, обращает на себя внимание почти пятая часть силовиков, затруднившихся с ответом, что возможно объясняется их большей погруженностью в дискурсивное поле властных отношений и пониманием как положительных, так и отрицательных сторон Чеченской Республики, внутреннее устройство которой отличается культурным и политическим своеобразием.

Естественно, что в рамках данного анкетирования нельзя было обойти проблему – что в настоящее время мешает, а что способствует воспитанию мужественности. Респондентам предлагались полуоткрытые вопросы, в которых допускалось несколько вариантов ответа. Это представляется вполне оправданным, поскольку упадок или, наоборот, усиление мужественного духа есть обычно комплексный результат нескольких причин. Тем самым выраженные в процентах показатели в таблицах 10 и 11 отражают число упоминаний конкретного обстоятельства.

Таблица 10 Что мешает сейчас формированию мужественности? (в %).

	Деградиация мужской природы	Уголовн закондат	Стремление откосить от армии	Женщины стремятся к муж функциям	Культура потребления	Компьютр игры	Опека родителей
Работники ПО.	26	8	26	16	23	31	37
Кабардино-балкарцы	50	3	11	42	20	16	5
студенты	29	9	17	25	38	13	67

Согласно таблице 10, работники силовых структур особенно не упирают на какое-либо отдельное обстоятельство, если не считать уголовного законодательства. Вероятно, профессиональная идентичность мешает признать респондентам этой группы, что силовая монополия делегализует фактически любую силовую акцию одного человека против другого. В ответах кавказских респондентов выбивается вперед антропологический источник – деградиация мужской природы, а также претензии женщин на мужские функции. Несколько неожиданно у них редко упоминается родительская опека, тогда как другие группы опрошенных обращают внимание на этот источник деградации мужественности – по числу упоминаний в ответах студентов чрезмерное участие родителей далеко обходит все остальные источники – на это указали две трети опрошенных. Возможно, это объясняется актуализацией именно этого обстоятельства для студенческой молодежи, которая в своем современном состоянии гораздо позже добивается способности жить самостоятельно, не завися от помощи родственников. Ниже, чем ожидалось были оценены в качестве факторов деградации мужественности культура потребления и компьютерные игры – число их упоминаний колеблется от 13 до 38%. Между тем, известное исследование Ф. Зимбардо и Н. Коломбе в качестве ключевых источников данной проблемы выделяет именно «игры и порно» [7]. Все же, представляется закономерным, что в нашем исследовании на фактор культуры потребления чаще других указывают именно студенты – как правило, респонденты этой группы еще не так экономически активны и имеют возможность погружаться в досуг и развлечения, вольно или невольно ощущая их культурное влияние.

Таблица 11 Что способствует сейчас формированию мужественности ? (в %).

	Традиционная культура	Спортивные секции	Кино-герои боевиков	патриотизм	Жесткие правила жизни
Работники ПО.	71	39	2	50	16
Кабардино-балкарцы	74	50	6	22	26
студенты	68	54	6	33	27

А вот в плане источников содействия мужественности все три группы чаще всего указывают на традиционную культуру, видя в ней явного антагониста современным политкорректным трендам, что в целом отражает реальное положение дел. Как следует из таблицы 11, на это обстоятельство указывают две трети и более опрошенных из всех групп. На втором

месте по числу упоминаний у кавказцев и студенческой молодежи идут спортивные секции, тогда как работники силовых структур предпочитают указывать на духовный фактор – патриотизм. Показательно, довольно малый процент упоминаний киногероев боевиков – скорее всего этот сегмент потребительской культуры за более чем тридцать лет активного распространения в отечественном социокультурном пространстве где-то приобрел рутинные черты, снизив свое стимулирующее воздействие для выработки боевого духа, как это имело место в конце 80-начале 90-х годов прошлого столетия. Вполне возможно на смену этому феномену пришли герои традиционных эпосов в ходе активизации этнических идентичностей, чему дополнительным стимулом послужил крах идентичности советской.

Заключение.

Итак, по результатам проведенного опроса можно вывести ряд заключений. Ценности маскулинной идеологии в целом доминируют в социальном сознании мужского сегмента российского общества. Тем не менее, очевидна различная степень их устойчивости в тех или иных группах респондентов. Заметны корреляции с возрастным и профессиональным критерием. Если у представителей молодого поколения довольно значительная доля респондентов скептически относится к традиционным стандартам маскулинности, то у респондентов-силовиков такого рода отношение проявляется куда реже. Заметна тенденция осуждения войны, доминирующая у всех групп, опрошенных и в разной степени опережающая противоположную ей установку на личностную самореализацию. Это отражает концепцию «демобилизованного общества», отстаиваемую в официальных кругах, которая в стратегической перспективе нами не оценивается исключительно в конструктивном ключе. Некоторый оптимизм нам дает симптом неудовлетворенности большинства опрошенных российской внутренней культурно-политической ситуацией с ее идеологической неопределенностью, дифференциацией стилей (полистилистика культура), предпосылками гендерной деформации. Эта неудовлетворенность отражается тем, что респонденты в целом не склонны отвергать в качестве образца для России модель внутреннего культурно-политического устройства Чеченской Республики на совершенно иных, по сути моностилистических принципах, напоминающих СССР –

жесткая объединяющая идеология, спортивный образ жизни, ограничение алкоголя, исключение наркотиков.

Что касается обобщенного заключения (по результатам обеих частей работы), то здесь наши соображения можно свести к следующим пунктам.

1) В странах наиболее передовой западной цивилизации позиции маскулинной идеологии, нацеленной, прежде всего, на воспитание в соответствующих ценностях представителей психотипа гармоников, подрываются рядом обстоятельств.

Во-первых, объективные социально-исторические процессы, в ходе которых последовательно расширялись социальные возможности женщин.

Во-вторых, культурно-идеологическая среда, в рамках которой усиливаются позиции субпассионарного идеала, происходит дискредитация мужского этоса, что способствует анонимизации гендерных аспектов общественного сознания.

В-третьих, социально-антропологические деформации в сторону ослабления мужского начала, делигитимации мужественности.

2) При том, что российский социум находится в зоне диффузного распространения западной культуры и ее проблем, тем не менее, деградация гендера здесь не зашла так далеко, хотя некоторые предпосылки этого имеются.

В качестве таковых отметим:

во-первых, субъективное влияние западных политкультурных трендов, реализуемое во многом через молодежь, социализация которой происходит в контексте заметного ослабления традиционных гендерных отношений и маскулинной идеологии;

во-вторых, объективный социальный контекст с российской спецификой, который по-своему способствует тенденциям мужской феминизации и женской маскулинизации.

По результатам проведенного опроса, как можно полагать, что задачам конструктивного воспитания отечественных гармоников будут способствовать:

- 1) опора на традиционные культурные ценности;
- 2) воспитание патриотизма;
- 3) популяризация спортивного образа жизни.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Алымова Е.В. Тема мужества в доклассической греческой культуре (на материале эпической поэзии) // Е.В. Алымова // Вестник Ленинградского государственного университета. – 2014. – С.7-19.
2. Балабанова Е. С. Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // Социологические исследования, 2002, №11 – С. 26-36.

3. Болъц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом ГУ ВШЭ, 2014. 270 с.
4. Волков В. В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 352 с.
5. Гончарова Н. Игра для мальчиков (Гендерные аспекты реализации карьерных притязаний) // Социологические исследования – 2003. – № 1. С. 83-90.
6. Здравомыслова Е. А. Темкина А. А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / О мужественности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 432-451.
7. Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности – М: Альпина Паблшер, 2017. 344 с.
8. Ионин Л. Г. Восстание меньшинств. М.; СПб.: Университетская книга, 2012. 237 с.
9. Ионин Л.Г. Андеит консерватизма. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. 304 с.
10. Ионин Л.Г. Социология культуры М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 427 с.
11. Кон И. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. URL: <http://www.owl.ru/library/047t.htm> дата обращения 30. 04. 2024.
12. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
13. Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках М.: Кучково поле, 2018. 384 с.
14. Новая "Нормальность" войны. Директор ЦАСТ Руслан Пухов на Грушинской конференции. URL: <https://bmpd.livejournal.com/4815781.html> дата обращения 12.10. 2024.
15. Сидорова Г.П. «Ожиданием своим ты спасла меня»: гендерные особенности взаимоподдержки в русской военной лирике (1930–2000-е гг.) // Ярославский педагогический вестник – 2018 -№2 – С. 200-205.
16. Смирнов В.М. Селиванова О.М. Неполные семьи в России: масштабы, проблемы и социальная помощь // Экономика труда. – 2023. – Том 10. – № 5. – С. 695–714.
17. Тамбиянц Ю.Г., Дулунц Г.А., Халакоев М.М. Война и российская студенческая молодежь (результаты исследования case study) // Национальное здоровье. 2025, Выпуск 1.
18. Тамбиянц Ю.Г., Лукинов А. Н. Мужественность как явление общественного сознания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024, №6. С. 94-99
19. Тирахова В. А. Мифологизация базовых концептов героического эпоса в советском кинематографе 1930–1950-х г. // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 203–212.
20. Ушакин С. Видимость мужественности. / О мужественности: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2002 - С. 479-503.
21. Федосеева И.А., Саломатин Е. В. Трансформация мужественности в российском обществе // Научно-практический журнал «Гуманизация образования» № 2/2015 – С. 80-85.
22. Ярошенко С. Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся северной деревни / В поисках сексуальности: Сборник статей. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002 – С. 172-196.

References:

1. Alymova E.V. The theme of courage in preclassical Greek culture (based on the material of epic poetry) / E.V. Alymova // Bulletin of Leningrad State University. 2014. pp.7-19.
2. Balabanova E. S. Gender differences in coping strategies with life difficulties // Sociological Research, 2002, No. 11, pp. 26-36.
3. Bolts N. Reflections on inequality. Anti-Rousseau. M. Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 270 p.
4. Volkov V. V. Power entrepreneurship, XXI century: an economic and sociological analysis. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2012. 352 p.
5. Goncharova N. The game for boys (Gender aspects of the realization of career aspirations) // Sociological research – 2003. – No. 1. pp. 83-90.
6. Zdravomyslova E. A. Temkina A. A. The crisis of masculinity in the late Soviet discourse / About masculinity: A collection of articles. Comp. S. Ushakin, Moscow: New Literary Review, 2002. pp. 432-451.
7. Zimbardo F., Colombe N. A man in isolation: Games, porn and loss of identity– Moscow: Alpina Publisher, 2017. 344 p.
8. Ionin L. G. The uprising of minorities. Moscow; St. Petersburg: University Book, 2012. 237 p.
9. Ionin L.G. Update of conservatism. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2010. 304 p.
10. Ionin L.G. Sociology of Culture, Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2004. 427 p.
11. Cohn I. Changing men in a changing world. URL: <http://www.owl.ru/library/047t.htm> date of issue 30. 04. 2024.
12. Kon I. A man in a changing world. Moscow: Vremya, 2009. 496 p.
13. Munkler G. Fragments of war: The evolution of violence in the XX and XXI centuries, Moscow: Kuchkovo Pole, 2018. 384 p.
14. The new "Normality" of war. Ruslan Pukhov, Director of the TSA, at the Grushinsky Conference. URL: <https://bmpd.livejournal.com/4815781.html> accessed 12.10.2024.
15. Sidorova G.P. "You saved me by waiting": gender-specific features of mutual support in Russian military lyrics (1930s–2000s) // Yaroslavl Pedagogical Bulletin - 2018 –No. 2 - pp. 200-205.
16. Smirnov V.M. Selivanova O.M. Single-parent families in Russia: scale, problems and social assistance // Labor economics. – 2023. – Volume 10. – No. 5. – pp. 695-714.
17. Tambiyants Yu.G., Dulunts G.A., Khalakoev M.M. War and Russian student youth (results of the case study) // National Health. 2025, Issue 1.
18. Tambiyants Yu.G., Lukinov A. N. Masculinity as a phenomenon of social consciousness // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024, No. 6. pp. 94-99
19. Tirakhova V. A. Mythologization of the basic concepts of the heroic epic in Soviet cinema of the 1930s and 1950s // Verkhnevolzhskiy philologicheskij vestnik. 2020. No. 3 (22). pp. 203-212.

-
20. Ushakin S. *The appearance of masculinity. / On masculinity: A collection of articles. Moscow: New Literary Review, 2002 - pp. 479-503.*
21. Fedoseeva I.A., Salomatin E. V. *Transformation of masculinity in Russian society // Scientific and practical journal "Humanization of education" No. 2/2015 - pp. 80-85.*
22. Yaroshenko S. *The crisis of family and sexuality: poverty without love in families in need of the northern village / In search of sexuality: A collection of articles. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2002— pp. 172-196.*

Информация об авторах:

Тамбиянц Юлиан Григорьевич, доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, Кубанский государственный аграрный университет им И.Т. Трубилина, E-mail: 09081969jvlian@rambler.ru

Дулунц Грачик Арменакович, аспирант кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет им И.Т. Трубилина, E-mail: dga-87@mail.ru

Халакоев Мурат Мухамедович, аспирант кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет им И.Т. Трубилина, E-mail: Tom.jones.80inbox.ru

Julian G. Tambiyants, Doctor of Philosophy, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University

Hrachik A. Dulunts, Postgraduate student of the Department of Sociology and Cultural Studies, I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University

Murat M. Khalakoev, Postgraduate student of the Department of Sociology and Cultural Studies, I.T. Trublin Kuban State Agrarian University

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.05.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.07.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.